

Татьяна БУЛАТОВА

Эта книга заставляет еще раз задать себе все самые трудные, самые ранящие вопросы, снова вернуться в детство и сверить ориентиры. Просто чтобы не потеряться в этой жизни.

Г. Куликова

Дай на прощанье
обещанье

Татяна Булатова

**Дай на прощанье
обещанье (сборник)**

«Автор»

2013

Булатова Т.

Дай на прощанье обещанье (сборник) / Т. Булатова — «Автор»,
2013

ISBN 978-5-699-63830-7

Если отношения отцов и детей складываются по-разному, кому как повезет, то отношения бабушек с внуками всегда теплые и трогательные. Задумайтесь – самые дорогие сердцу воспоминания детства у каждого из нас связаны с бабушкой. Татьяна Булатова рассказывает о разных бабушках: среди ее героинь есть и старушки в платочках, и утонченные дамы, и бабушки-модницы с ярким макияжем и в немыслимых нарядах. Говорят, бабушки любят внуков, потому что те отомстят за них своим родителям. Это не так, уверяет нас автор. Для ее героинь появление внуков – шанс прожить еще одну молодость и, может быть, исправить ошибки, за которые корили себя всю жизнь.

ISBN 978-5-699-63830-7

© Булатова Т., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Хочешь – верь, хочешь – не верь	5
Сами разберемся...	10
«Может, год, а может, и два...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татяна Булатова
Дай на прощанье обещанье (сборник)

Моим любимым бабушкам и дедушкам посвящается

Хочешь – верь, хочешь – не верь

Елизавете почему-то всегда снятся покойники всех мастей и разной степени родства. Некоторых она побаивается, потому что те строгие. Приходят ночью и смотрят прямо в глаза с очевидной укоризной: «Почему ты нас не поминаешь?»

Елизавета откуда-то знает, кто перед ней и как зовут, хотя живьем ни разу не видела. Только на фотографиях.

– Я буду, – обещает она им и перед работой заходит в иконную лавку. – Зинаида, Ольга, Евдокия, Александр...

Некоторых из тех, кто снится чаще других, Елизавета ждет с нетерпением. И даже загадывает: сегодня или не сегодня. Придут или не придут? Если «приходят», она радуется, а наутро встает с хорошим настроением и в задумчивости пьет кофе, вспоминая мельчайшие детали последней «встречи».

– Представляешь, – рассказывает Елизавета мужу и вытирает с глаз слезы. – Бабушка – в синем пальто, вокруг шеи – зеленый крепдешинный шарфик в белый горох. А дедушка – в шляпе, под руку ее поддерживает. Старосветские помещики. Довольные такие...

– А чего ж ты плачешь-то, лапуля?! – то ли раздражается, то ли расстраивается супруг и гладит Елизавету по спине.

– Гру-у-уственно...

– Ну... – тянет тот. – Это жизнь.

– Жизнь, – с готовностью соглашается Елизавета и с пристрастием ревизора смотрит на свежеекрашенные стены в кухне: – Переборщила с зеленым.

– Ну и ладно, – успокаивает ее муж, согласный на все, лишь бы она вынырнула из воспоминаний и перестала лить слезы по поводу краткосрочности ночной «встречи».

– Вот и не ладно! – сердится Елизавета, недовольная результатом. – Слишком много зелени. Вон и лицо у тебя от этого зеленое, как недозрелый банан. Могу представить, какого я цвета!

– Что ты, лапуль! Ты просто у меня смугленькая немножко.

– В детстве после желтухи мне тоже так говорили: «Какая смугленькая!» А я в зеркало на себя смотреть боялась. Подойду – а там одни глаза на желтом фоне. Еще мама мне анорак болотный купила, куртку такую на меху... Таньке, главное, розовый! А та щекастая, кровь с молоком. Что ни наденет – кукла куклой. И тут я... В болотном анораке, представь себе. Худая, бледная! Таньку за щечку все потрепать старались, а на меня как на привидение смотрели. Ненавижу болотный! Между прочим, только бабушка с дедушкой помнили, что я голубой люблю. И когда к нам приезжали, к Таньке не бросались, как угорелые, не сюсюкали, а все больше со мной старались разговаривать, чтобы я родителей к ней не ревновала и себя любимой чувствовала. Они, в отличие от мамы с папой, как-то это понимали!

Супругу становится так жалко Елизавету, что он лихо предлагает:

– Так давай перекрасим эти стены, к чертовой матери. Перекрасим – и все!

– С ума сошел! – возмущается та и проклинает день, когда ей в голову пришла идея сделать кухню в зеленых тонах.

Безумно жалко было потраченного времени: сколько она над этим дизайном мудровала, сколько интерьерных журналов пересмотрела! Все думала: так – не так, убрать – оставить? Хотелось, чтоб все в тон и чтоб глазу приятно. А получилось совсем не то. Может, он и прав, муж-то? Взять и перекрасить. И дело с концом.

Успокоившись, Елизавета уходит в напоминающий бомбоубежище коридор, сосредоточенно смотрит на стены, покрытые лохмотьями старых обоев, и возвращается в кухню с фотоаппаратом в руках.

– Не надо меня фотографировать! – возмущается супруг и отворачивается.

– Да я не тебя, – отмахивается Елизавета и наводит объектив на кухонную стенку.

– На продажу хочешь выставить? – догадывается муж и с ужасом думает о предстоящих мероприятиях: бесконечные телефонные звонки, бесконечные осмотры, чужие люди, демонтаж... И – сто процентов: будут выносить – обязательно что-нибудь обдерут. Вот как пить дать! Или новые двери, или дорожные выключатели с мясом вырвут!

– Уже звонили, – в унисон его мыслям произносит Елизавета и делает очередной снимок.

– По поводу кухни? – дрожащим голосом уточняет супруг.

Елизавета смысл вопроса не улавливает и терпеливо поясняет:

– Завтра забирают кровать. За шкафом приедут сегодня.

– А кухня?

– Кухня-то? Нормально... Сейчас фотографии Танечке отправлю, и решим, что делать...

Супруг, услышав имя свояченицы, облегченно выдыхает, понимая, что опасность преувеличена, и, отойдя к окну, заинтересованно смотрит на сороку, прыгающую по уличному подоконнику то в одну, то в другую сторону.

– Ну, это надо же! – изумляется муж и стучит по стеклу. Сороку это нисколько не смущает, она продолжает свой незамысловатый танец, а потом в нерешительности останавливается и тоже смотрит на человека за стеклом. – Смотри! Смотри! – кричит он жене. – Сорока прилетела. Красавица какая! И крылья зеленью отливают! Как раз под твою кухню.

– Сорока? – всполошилась Елизавета и метнулась к окну. – Кыш! – замахала она на птицу руками. – Кыш отсюда!

– Ну зачем ты ее прогнала?! – огорчился супруг, увидев за окном опустевший подоконник.

– Скажи спасибо не голубь! – заявила довольная Елизавета.

– А голуби-то тебе чем помешали? Глупые безобидные птицы. Нажрут, нахоятся и сидят рядком.

– Когда в окно залетает голубь – это плохо, – объясняет Елизавета.

– Чушь какая! – сопротивляется муж очередному суеверию.

– Ничего не чушь! Голубь – это чья-то душа. И нехорошо, потому что неизвестно: то ли за тобой прилетели, а то ли умер кто – знакомый или близкий. Вот и мучайся, пока не узнаешь.

– Ничего не понимаю, – раздражается супруг, не улавливая логики в происходящем. – Вон, на втором этаже, окно всегда приоткрыто. Голубей кормят прямо из окна. И ничего, никто не умер. Уже весь подоконник загадили, а еще все живы: гробов не видно. А тут вообще не голубь, а какая-то безобидная сорока!

– Не хочешь – не верь, – ворчит Елизавета. – Все нормальные люди знают, что сорока – это к вестям. И часто – к нехорошим, между прочим.

– Часом, не с того света? – иронизирует супруг и противно улыбается: – Скоро ты, лапуль, на каждую птичку креститься станешь.

– Надо будет – и стану, – обещает Елизавета и вновь исчезает в темноте коридора.

– Средневековые какое-то! – бурчит муж и тянется к дарам цивилизации – включает телевизор. Идет реклама: «Александрийские двери по умеренным ценам. Бутик № 29 Экспостроя на Нахимовском. Приходите за роскошью. Вы этого достойны!»

– Убавь звук! – гневается Елизавета и требует тишины.

– Должен же я с кем-нибудь общаться?! – сопротивляется муж и методично переключает каналы.

– Дожили! – снова кричит Елизавета. – «Мой друг – телевизор Samsung».

– Ты же со мной не общаешься! – выкрикивает в коридор супруг и замирает в дверном проеме в ожидании ответа. Жена молчит. – Может, ты со мной все-таки пообщаешься?!

– Сейчас, – отвечает Елизавета. – С Танечкой поговорю...

– Ну, поговори, поговори, – разрешает муж и удобно устраивается на большом кожаном диване, положив голову на подлокотник. Видно, что он испытывает удовольствие от мысли о кратковременном сне под зычные звуки полицейской сирены из криминальной хроники. – Пока ты со своей Танечкой поговоришь, я чуток успею покемарить...

Но Елизавета буквально через пару минут появляется в комнате и с раздражением спрашивает:

– Ты что, спишь?

– Я?! – вздрагивает супруг от неожиданности. – Так ты ж с Танечкой разговариваешь.

– Я уже давно не разговариваю. Я красилась, – сообщает Елизавета и роется в переполненном шкафу в поисках не требующей глажки одежды.

– Лапуль, ты такая хорошенькая, аппетитненькая... Ты мне очень нравишься, – объявляет супруг и плотоядно смотрит на Елизавету.

Она перехватывает его взгляд, но притворяется, что не понимает, и на всякий случай потуже затягивает ремень на джинсах. Муж обижается и категорически отказывается встать с дивана.

– Так ты пойдешь? – Она уже знает ответ.

– А ты куда?

– Пройдусь по Ленинскому. Посмотрю ткани. А то – голое окно. Все видно.

– А что за спешка? – снова интересуется муж.

– Потому что у меня всего один выходной.

– Так отдохни! – Не теряет надежды супруг и похлопывает рукой по дивану.

– Потом, – обещает ему Елизавета и скороговоркой проговаривает пути преодоления чрезмерной зеленцы в многострадальной кухне: – Добавить бежевого. Светлые бордюры. Белые салфетки, полотенца и шторы. Разбавить зелень – и будет смотреться отлично!

Супруг идти по магазинам не хочет, мотивируя это тем, что ненавидит «этих торгашей» и больше не может мириться с невозможно высокими ценами.

– Это Москва! – напоминает ему Елизавета и, оставив надежду поднять супруга с дивана, сообщает: – Ну... я пошла. Постараюсь недолго.

– Давай, лапулечка. Приходи скорей.

Елизавета не удостоивает мужа ответом и хлопает входной дверью.

– Лиза! – кричит он в пустое пространство. – Сколько можно?! Неужели трудно попридержать дверь?! Ну как ребенок, ей-богу!

Возмущение по поводу халатного отношения к имуществу быстро ослабевает, и супруг с чувством полного удовлетворения погружается в дрему, не обращая внимания на рев стадиона и возгласы комментатора – транслируют футбольный матч.

Хо-ро-шо.

Из магазинов Елизавета возвращается вечером, уставшая и поникшая.

– Купила что-нибудь, лапуль? – приветствует ее супруг и торопится навстречу своему счастью.

– Нет, – сообщает расстроенная жена и швыряет в сердцах ключи от квартиры.

– А что так? Еще не все магазины обошла?

Не обращая внимания на шутливую интонацию супруга, Елизавета протяжно вздыхает:

– Безумие какое-то. Ткани-то нужно полтора на полтора, а вместе с работой выходит десять-пятнадцать тысяч или около того. И это везде! Представляешь?! Можно подумать, я не занавески на кухню покупаю, а антикварный гобелен.

– А что ты удивляешься? – назидательно обращается к ней супруг. – Это Москва!

– Какая разница! – возмущается Елизавета. – У каждой вещи должна быть своя цена. И кусок ткани полтора на полтора не может стоить десять тысяч.

– Так это же с работой!

– Ну и что, что с работой! Там работы-то на двадцать минут: тут подогнуть, там прострочить. Вон машинка. Вот руки. Не боги горшки обжигают! И вообще, дело не в этом.

– А в чем?

– Ничего нет подходящего...

– Этого не может быть! – не верит супруг.

– Может! – обрывает его Елизавета на полуслове. – Все не то. Весь Ленинский прошла, а без толку. Только время потеряла.

– Не расстраивайся, лапуля. Найдем.

Елизавета красноречиво смотрит на выпавшегося мужа и язвительно поправляет:

– Не найдем, а найду.

– Хорошо. Найдешь, – спешно соглашается тот и зовет ее ужинать.

– Не буду, – отказывается Елизавета и смотрит на свое отражение в зеркале высокой, под потолок, полированной стенки.

– А я буду, – бормочет супруг и скрывается в кухне.

– Чай будешь пить – позови, – говорит ему жена и указательными пальцами поднимает краешки бровей, отчего глаза становятся раскосыми, лицо приобретает удивленное выражение и кажется немного моложе.

«Чего я хотела-то?» – сосредоточенно размышляет Елизавета, разглядывая себя в зеркале. Так и не найдя ответа, она открывает дверцу стенки и внимательно смотрит на содержимое шкафа, невынимаемое годами. «Вспомнила! – Елизавета легко хлопает себя по лбу. – Тряпки надо достать, завтра стены штукатурить будут в кабинете. Опять грязищу разведут».

Перед нею пестрели какие-то пакеты, некомплектное постельное белье, специально оставленное «на тряпки», коробки с обувью. На всякий случай Елизавета приподнимает крышку одной из них и заглядывает вовнутрь.

– Все равно носить не буду, – бормочет она себе под нос и рывком вытаскивает коробку. Внимательно осмотрев похороненные в ней туфли, Елизавета сваливает коробку в угол, где копится мусор в ожидании полной ликвидации.

– Господи, сколько же барахла накопилось! – продолжает она начатую ревизию. – Все повыкидываю после ремонта, все равно не пригодится! – разговаривает Елизавета сама с собой, ощупывая спрессованные вещи.

Встав на цыпочки, она пытается дотянуться до самой верхней полки, где аккуратно уложены свертки с тряпками, переданные мамой для «технических нужд» во время ремонта. Часть из них – из «бабушкиного сундука». Елизавета это знает точно, потому что в прошлый свой приезд сама маму об этом просила. Оставь, мол, когда сундук разбирать будешь...

Сразу достать хотя бы один из свертков не получается: Елизавета плюхается на пятки, а потом все-таки вытаскивает из утрамбованной кучи первый попавшийся под руку пакет. В нетерпении она разрывает его и обнаруживает разномастное белье. Надо бы отвезти на дачу, думает Елизавета и пытается засунуть пакет обратно. В результате чего с верхней полки падает соскользнувший от неверных движений сверток и больно ударяет по плечу.

– Прилетела! – доносится до нее в этот момент возглас мужа. – Лапуля, опять сорока прилетела. Может, ей выкинуть что-нибудь?

Елизавета, забыв про приметы, потирает ушибленное плечо и отрешенно рассматривает упавший на пол сверток.

– Иду, иду! – кричит она мужу, думая, что тот приглашает ее пить чай. – Сейчас!

Но вместо этого присаживается на корточки, завороченно глядя на лежащий на полу пакет. Знакомая бумага. Оберточная, пожелтевшая от времени. Местами протершаяся под грубой бечевкой.

Елизавета ловко развязывает узел и пытается развернуть сверток. Он несколько раз переворачивается вслед за движением бечевы и, словно нехотя, приоткрывает свое пахнущее нафталином содержимое. Чувствуя странное томление, Елизавета раскрывает сверток до конца и замирает: там белоснежный тюль. На внутренней стороне оберточной бумаги каллиграфический бабушкин почерк:

«15 июня 1983 года. Отрезано 1,5 метра. Обновить шторы в кухне. Остаток – 11 метров».

«8 декабря 1983 года. Отрезано 3 метра. В зал Ляле. Остаток – 8 метров».

«15 июня 1989 года. 8 метров. Отдать Лизаньке».

Сейчас – 2012-й.

Стоящая на коленях Елизавета прижимает к груди пропитанный запахом бабушкиного сундука сверток и плачет навзрыд от навалившихся воспоминаний: бабушка в синем пальто, вокруг шеи – зеленый в белый горох шарфик...

– Что?! Что случилось?! – бросается к ней перепуганный муж и опускается рядом на колени.

– Вот тебе и сорока! – улыбается сквозь слезы Елизавета, и голос ее рвется почти на каждом слове. – Говорила же – к вестям.

Супруг, ничего не понимая, смотрит на протянутый сверток.

– Сорока! – всхлипывая, произносит она и дрожащими губами шепчет: – Вот он, бабушкин подарок. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

Сами разберемся...

Пожалуй, а то и наверняка, во дворе ее не любили. И было за что. Уж больно много о себе воображает. Подумаешь, сын у нее майор, а внуки – отличницы. А то мы не видали этих майоров! Мы и генералов видали. И полковников. А уж отличниц этих полный двор: в любом подъезде, да и не одна!

– Хоть сто! – надменно произносила Зоя Семеновна и спокойно шествовала к подъезду с крыльцом, ступени которого были рассчитаны на шаг, не характерный для среднестатистического человека. Уж очень высоки: на каждую вставать приходится сначала одной, потом другой ногой. Иначе не подняться. И так – раз пять. Пока залезешь, всю обсмотрят и в спину чего-нибудь пожелают.

– Сын – майо-о-ор... – презрительно поджимала губы Неля Афанасьевна, за выпученные глаза и странное имя прозванная дворовой детворой Пульчинелла, и, склонившись к самому уху соседки, таинственно сообщала: – Этот-то – майор! А другой вчера с крыльца упал.

– Споткнулся, что ли?! – ахала доброжелательная Фаустова и поднимала брови домиком.

– Ага, споткнулся! – зловеще кивала Пульчинелла и через секунду давала волю еле сдерживаемым эмоциям: – Как же! Пьяный был в жопу. Лицо разбил. Кровища!

– Надо же! – искренне переживала Фаустова. – То-то я смотрю, с утра все крыльцо в песке, а под ним че-то темно как-то. А то не темно, то – кровь.

– Сама и засыпала, – подтвердила Пульчинелла и показала глазами на «Зойкины» окна. – Стыд-то какой, ну! А ты говоришь: майор. Вот тебе и майор.

– Жа-а-алко... – не к месту заявляла Фаустова и для пущей убедительности трясла повязанной платком головой.

– Че те жалко-то? – подсказывала на скамейке Пульчинелла. – Это я, что ль, от людей морду-то ворочу?

– Все равно жалко, – стояла на своем справедливая Фаустова.

– Слышь, Григорьевна, – зашла издалика Пульчинелла. – Я вот все спросить у тебя хотела. Это у тебя сын-то прокурор?

– И что с того, что прокурор? – Фаустова потупилась.

– А то! Сын-то у тебя, можа, и прокурор. А вот ты, я тебе скажу, дура. Нет, ну это ж надо! У одной – майор. У другой – прокурор. Это кому скажи!..

– Злая ты, Неля, – обижалась Фаустова и в знак протеста отодвигалась от Пульчинеллы на полметра в сторону – благо скамейка позволяла.

– Зато ты добрая, – разводила руками обидчица. – Злая не злая, а дурой никогда не была. И уж не буду, наверное.

– Это уж как Бог даст, – напомнила о Высшем суде Фаустова и с умилением посмотрела в глубь двора, где на детской площадке играл ее внук, прозванный Плохишом за выдающийся вес и вредный характер.

Пульчинелла перехватила взгляд соседки и только было собралась высказать свое мнение по поводу происходящего, как двор огласился женским криком такой силы, что могло показаться – сработала сирена.

– Господи ты боже мой! – всплеснула руками Фаустова и в испуге обернулась к дому.

Сирена выла из окна первого этажа, наполовину заросшего диким виноградом. Его плети надежно скрывали жизнь обитателей квартиры № 9 от любопытных взглядов соседей и дворового братства, так и норовившего запустить в злополучное окно то мячом, то камнем.

– Доча меня зовет, – спокойно сообщила Пульчинелла встревоженной Фаустовой. – Обедать, чай, пора. Не любит, когда опаздываю. Ругается. Пойду-ка я, Григорьевна.

Фаустова, кряхтя, поднялась:

– И то правда. И я пойду. Олежку кормить.

– Этого жирного-то? – Пульчинелла ткнула пальцем в фаустовского внука. – Этого кабана можно и не кормить. Отъелся на прокурорских харчах, того и гляди карусельку-то раздавит. Кормить его еще!

– Ты это... – огорчилась Фаустова. – Детей бы уж не трогала. Не мешают они тебе. На то родители есть.

– Знаю я, какие родители! – не согласилась с соседкой Пульчинелла. – Каков поп, таков и приход. Нарожают уродов, бабкам сплавят – и дело с концом. И Зойка твоя туда же!

– Так она сама бабка! – напонила Фаустова. – Ей и сплавлять-то некого.

– Все равно, – не сдавалась Пульчинелла. – Интеллигенция сраная. Мужика под себя подмяла, на сто работ устроила, а сама губы красит и кудри вьет! Как перед людьми-то не совестно: старуха ведь уже.

– Завидуешь ты ей, Нель, – с укоризной произнесла Фаустова, нечаянно озвучив еще одну причину дворовой нелюбви к Зое Семеновне.

– Я? – задохнулась Пульчинелла. – Так было б чему!

– Значит, есть чему! – твердо ответила Фаустова и зашагала в сторону детской площадки, полная решимости увести внука к обеденному столу.

– Давай-давай, – пробурчала Пульчинелла и зашаркала к дому под периодически возобновляющийся вой сирены. – Хватит орать-то! – крикнула она куда-то в самую толщу виноградной завесы и погрозила раздраженной дочери кулаком: – У-у-у, стервь! Все по ее чтоб было, значит! А можа, я и есть-то не хочу. Так... По привычке. Глаза б мои на тебя не глядели, с твоим обедом! Лучше б мужика себе завела... Можа, какой дурак и позарится...

«Мужика завести – не косу заплести», – поучала Зоя Семеновна по телефону свою племянницу, обделенную мужским вниманием. Не в смысле вниманием вообще, а постоянным – когда зарплату приносят, грибы собирают и в санаторий отправляют здоровье поправить.

– Ты что думаешь, – интересовалась она в трубку. – Всегда молодой будешь? Не будешь, дорогая. Лет десять пройдет...

– Ой, да за десять лет, тетя Зой, мало ли что случится?!

– Если ты так и будешь нос воротить, то ничего не случится, – успокоила Зоя Семеновна племянницу и перешла к делу: – Я вот тебе что скажу: ты не пыли. Не пыли! Замуж выйти – не в магазин сходить. У меня вот знакомая есть, в Госстрахе вместе работали, у нее сын. Сын вдовый. Двое детей. Ищет приличную женщину, чтоб и детям, и в доме порядок. Зарабатывает, говорят, хорошо. Не пьет...

– А зачем мне чужие дети? – резонно уточнила растерянная племянница.

– А своих-то ведь нет!

– Ну так будут! – сопротивлялась собеседница.

– Ну... будут так будут. Мое дело предложить, – обижалась Зоя Семеновна, и тон ее становился официальным: – Родители-то как? Хорошо? Ну, кланяйся тогда. Кланяйся. Скажи, тетя Зоя привет передавала.

Племянница еще чего-то пыталась прокричать в трубку, но Зоя Семеновна хладнокровно роняла свою на рычаг и, увидев собственное отражение в зеркале, как ни в чем не бывало заявляла:

– Плохая связь. Очень плохая.

На кухне Зою Семеновну ждал отдыхающий от «ста работ» муж.

– Все сидишь? – поинтересовалась она у супруга и нахмурилась. Тот ее не слышал. Он спал.

– Глухая тетеря! – прошипела Зоя Семеновна себе под нос и тронула мужа за отливающую синевой щеку. От неожиданности тот вздрогнул и в изумлении уставился на нее, спросонья пытаясь понять: кто это перед ним.

– Тося! – строго сказала Зоя Семеновна. – Ты ел?

Тося кивнул.

– А гречку достал?

И Тося снова кивнул.

– Пирогов, может, напечь? Юра зайдет, девчонки забегут после школы...

Тося пожал плечами и громко, с наслаждением зевнул:

– Как хочешь...

– Господи! – возмутилась Зоя Семеновна. – Ну что ты как старик?! Целый день сидишь-сидишь, как задница не устанет!

Тося не переносил грубости, поэтому поморщился и не очень внятно произнес:

– А я и есть старик.

Зоя с этим мириться не захотела, присела рядом, прильнула к Тосиному плечу и пожаловалась мужу:

– Как время-то бежит, господи!

Тося вздохнул и поцеловал жену в висок:

– Да уж...

Зоя зашмыгала носом и потерла глаза.

– Не плачь, – хрипло приказал Тося и отвернулся.

– Скажешь тоже, «не плачь», – заворчала Зоя Семеновна. – Ты старик. И я...

Она протянула вперед изуродованные полиартритом и пигментными пятнами руки, с пристрастием на них посмотрела и завершила горькую фразу:

– Ста-ру-ха... Жизнь прошла...

Тося молча покачал головой.

– Прошла-прошла, – как-то уже повеселее повторила Зоя Семеновна. А потом решительно заявила: – Прошла, да не закончилась. Ты вот только у меня... – сникла Зоя и с раздражением отвернулась.

Ой, ну как же она его любила! Как она его любила!

Высокий. Кудрявый. На баяне играл. Комдива возил. Перепить мог любого.

А теперь?

Это «теперь» зависло над Зоей грозным предчувствием, и в попытке прогнать его она с ожесточением загремела ложками в выдвижном ящике кухонного стола.

– На-ка, – заявила Зоя Семеновна и протянула мужу несколько ложек. – Почисть. Черные все. Перед людьми совестно.

Тося покорно протянул руку, принял ложки и аккуратно, чтоб ни одна не звякнула, положил их обратно в ящик:

– Потом.

– Когда потом? – сварливо полюбопытствовала Зоя Семеновна и с грохотом задвинула ящик обратно. – К поминкам?

– Ну что ты говоришь?! – возмутился Тося, на что жена рывком вытащила ящик и высыпала перед мужем все его содержимое.

– Чисть!

– Сказал – потом, – сказал он на полтона громче, и Зоя тотчас осеклась.

– Ладно, – неожиданно скоро согласилась она. – Не хочешь – как хочешь. Если тебе все равно, то...

– Мне, Зоя, все равно.

– Да тебе всегда все равно! Сядешь и сидишь. В окно, как старая бабка, смотришь. Как-о-ой интерес?! Не пойму.

Тося не удостоил жену ответом и медленно выбрался из-за стола.

– Пойду отдохну.

– А то ты уработался, – проскрежетала Зоя Семеновна, недовольная отказом мужа.

Тося, покачиваясь и шаркая, пошел по коридору на выгнутых колесом ногах, осторожно касаясь стен, затянутых в нарядную немецкую клеенку вместо тусклых отечественных обоев. Благодаря ей стены казались стеллажами экзотической фруктово-овощной лавки.

– И вот всегда так... – пожаловалась Зоя невидимому собеседнику, «сидящему» на Тосином месте. – Всегда-всегда. Вечно все только мне надо! Зойка – туда. Зойка – сюда. Зойка, подай. Зойка, принеси... А Зойке кто принесет? Борька с Вовкой? Никто ничего Зоеньке не принесет, – посочувствовала она сама себе и расстроилась окончательно.

Всю свою жизнь она только и делала, что пыталась вырваться из замкнутого круга обстоятельств, определенных самим фактом, как считала Зоя Семеновна, ее «неблагородного происхождения». Наделенная от природы недюжинными способностями, она могла бы горы свернуть! А на деле все ее силы были отданы тому, чтобы переписать свою биографию набело.

«Какие крестьяне в роду? Никаких крестьян! Отец кучер? Так это же не крестьянин. Уклад один и тот же?! Хозяйство?! И что? Уклад один, а косточка другая».

Для этого даже итальянцы были придуманы, непонятно откуда в поволжской деревне взявшиеся...

Не помогла придуманная биография!

В двадцать с небольшим – вдова с двумя детьми, да еще и мать на ней... Ладно хоть старушка была нестроптивая.

Потом вот – Тося. Но женское ее, позднее, выстраданное счастье дети укоротили. То женятся, то разводятся, то пьют, то гуляют. Попьют-попьют, погуляют-погуляют, а потом – давай, мать, лечиться вези! И ведь еще упрекают, мол, Юрочке – третьему – все самое лучшее. И баян, и служба в Германии, и девчонки-отличницы. А кто виноват? Кто виноват, что не им все самое лучшее? Она виновата? Говорила: «Не женитесь!» Силком ведь никто не тащил! И что вот теперь? То рубль, то два. Работайте! Работайте, детки мои дорогие. Отец вот ваш работает, и вы работайте. И нечего водку жрать. Водка еще никого счастливым не сделала! И вас не делает.

Опять же – город... Сначала деревня не та, теперь город не тот! Не хотела в нем жить Зоя Семеновна и всю свою жизнь лелеяла мечту о переезде в Москву. Один обмен за другим срывался. Но Зоя Семеновна не отчаивалась. А потом ей приснился он. Стоит она в храме Василия Блаженного, и вдруг входит Сталин и строго так говорит:

– Никогда тебе, Зоя, не жить в Москве.

И надо же, как в воду глядел Иосиф Виссарионович. Не жить! Точно. Борька-голубятник, ювелир, и тот в Москве не прижился. Жена выгнала. Домой прикатил. Таскается теперь туда-сюда. Только деньги зря разбрасывает. Не нужен он в этой Москве никому. Здесь хоть бы нормальную женщину нашел. А где ее найти? Три сына у Зои Семеновны, а ни одному с женой не повезло. Зато сами выбирали. Вот и навывирали...

Пока грустные мысли прыгали в Зоиной голове, ее умелые руки просеивали муку, замешивали тесто, строгали начинку для пирогов. Руки жили отдельной от головы жизнью, и в том было Зоино спасение. Она никогда не унывала. Грустила, тосковала, сетовала, но при этом все время что-то делала. Не знала она, что такое прилечь, прикорнуть, ко двору спуститься, на лавочке посидеть, о том о сем с соседками потрещать.

– Я что, бабка?! – объясняла Зоя Семеновна внучкам свое нежелание сидеть рядом со старухами. – Мне что, делать нечего?

Девчонки смотрели на нее во все глаза и наперед знали ответы на все вопросы:

– Конечно, не бабка. Конечно, есть чего.

Но на предложение пойти с ними в кино, благо кинотеатр неподалеку, Зоя обычно качала головой и говорила с наигранной грустью:

– Я – пожилой человек... У меня больные ноги.

И у внушек не укладывалось в голове, как этот «пожилой человек с больными ногами» пять минут назад поменял обивку у всех стульев в доме и устроил своим любимицам разнос, услышав, что те называют ее между собой бабушкой.

– Какая я вам бабушка? – возмущалась Зоя Семеновна, величественным движением взбивая прическу. – Бабушки – это чужие тетки, что по улицам ходят да на лавках у подъездов сидят. А я – бабуля, – подводила она итог и упорно не откликалась, если кто-нибудь называл ее бабой Зоей или просто бабушкой.

– Распустили детей! – жаловалась она мужу. – Иду по двору, а мне кричат: «Бабушка!» Я сразу к родителям...

– Зачем? – недоумевает Тося.

– Затем! Чтоб детей правильно воспитывали, а то привыкли, как в деревне: «бабки, дедки, мамки, папки».

– Ты сама из деревни, – напоминает тот еле слышно, побаиваясь бурной реакции жены.

– Из какой это я деревни?!

– Из Ишеевки, – стоит на своем Тося.

– А где мне было жить-то? Где?! Двое детей. Кормиться надо. Мать на мне. И я ее, между прочим, ни разу мамкой не назвала. А отца, пока жив был, на «вы» называла. Вот как тебя, Юра. Зато городские: «бабки, папки...» Срам один! «Ба-а-бушка!»

– Нельзя так, Зоя, – журит ее муж, не видящий ничего страшного в употреблении вышеуказанного слова.

– Расскажи мне еще, как можно! – обрывает его Зоя Семеновна и уходит в комнату в поисках очередного дела.

А их – миллион. За всю жизнь не переделать! Дай бог, чтоб подольше и побольше.

Пока Зоя стряпает, Тося дремлет, периодически вздрагивая от резких звуков, доносящихся из кухни. Бац! Чего-то в раковину свалила. Чпух-х-х – духовкой хлопнула. Никакого покоя. Минуты не посидит и другим не даст. То одно, то другое. Все надо. До всего есть дело. Не человек, а одна суeta. Живут же люди! Доживают свой век потихонечку, не спеша, и другим не мешают.

– А мне мешают! – скандалит, вывалившись из окна, пучеглазая Пульчинелла и обещает отравить треклятых кошек, орущих под ее окном.

– Успокойся! – одергивает ее дочь и ставит перед матерью чашку с чаем. – Пей вот!

– Сама пей, – огрызается Пульчинелла и с ненавистью смотрит на располневшую после сорока пяти Розу. – Ты себя в зеркало видела? – заходит она издалека.

– Видела.

– А чего ты в нем рассмотрела-то? Один бок? Еще удивляешься, замуж никто не берет! Жрать меньше надо, а то мужика раздавишь!

Розе, унаследовавшей от матери водянистые на выкате глаза, обидно. Так-то Бог ничем особым не наградил, а тут еще эта... Всю плешь проела. Поедом ест и не подавится.

Розины мысли написаны на лице. И сообразительная Пульчинелла догадывается, о чем они, эти мысли проклятые.

«Неблагодарная!» – собирается выкрикнуть Роза, но сдерживается и смахивает со стола крошки в ладонь.

– У тебя что? – интересуется она. – Рот дырявый?

– Зато не воняет, – мерзко хихикает Пульчинелла и чувствует себя на коне. – Хайло-то прикрой, а то простудишься.

– Мама! – не выдерживает Роза и швыряет полотенце на стол.

– Я уже пятьдесят лет мама, – напоминает дочери Пульчинелла и со свистом втягивает в себя кипяток. Обжегшись, свирепеет. Вскикивает, хватает чашку и выплескивает ее содержимое из окна.

Кипяток попадает на пригревшихся на подвальной решетке кошек, и те с визгом бросаются врассыпную.

– Ведьма! – кричат напуганные кошачьим мяуканьем дети и бегут прочь от греха подальше.

– Ведьма и есть, – не выдерживает Роза, уставшая от материнских выходов.

– А чего ж рядом с ведьмой живешь? Не страшно? – крадется вдоль кухонной стены Пульчинелла и, скорчив жуткую рожу, омерзительно воет.

– Прекрати немедленно! – пугается Роза. – Перед людьми стыдно.

– Перед людьми? – невинно переспрашивает Пульчинелла и разводит руками. – А чего ж стыдно-то? Али я кого-нибудь отравила? Али со свету сжила?

– Прекрати! – снова просит ее дочь и смотрит поверх материнской головы.

– Чего в глаза не смотришь?! – подскакивает на месте Пульчинелла, чем неожиданно парализует Розу. Та медленно переводит взгляд и замирает в ожидании. – Боишься, что ли? Не бойся, доча. Не ведьма. А то давно бы подсыпала тебе что-нибудь. Успела бы, пока ты меня сама со свету не сжила.

Роза становится пунцовой от обиды и делает шаг назад.

– Ты думаешь, я не вижу? – скрежещет Пульчинелла. – Не вижу, как ты морду-то воротишь и ноздрями двигаешь, когда мимо меня проходишь? Думаешь, не знаю, о чем Бога каждый день просишь? Зна-а-аю. Только не допросишься. Еще тебя переживу. А то удумала: умрет мать, буду делать, что хочу. А хотелки-то нет! – мерзко хихикнула старуха. – Нет ведь?

Роза молчит.

– Знаю я, что нет, – добавляет Пульчинелла. – А то бы тебя так перло! Спрашивает меня Фаустова, дура-то, прости господи. «Розочка ваша не беременна?» – «Нет, – говорю. – Не беременна моя Розочка». А была бы беременна, своими руками бы придушила, чтоб никаких мне выблядков! А еще думаю, но молчу сама-то, кто же это на мою Розетку-то позарится? А?! – выкрикивает она в сторону дочери, отчего та сжимает кулаки и движется на мать.

– Все сказала?

– А че я сказала? – невинно шурит глазки Пульчинелла. – Я че-то сказала?

Пока Роза набирает в рот воздуха, чтобы наконец-то выпалить все, что она думает, в окно влетает камень и падает на пол. Женщина еле успевает отскочить в сторону.

– Видела?! – ехидно интересуется Пульчинелла, выкатив водянистые глаза, и добавляет: – Скажи спасибо, дегтем дверь не вымазали. А уж камень-то мы переживем. Не впервой. Выслежу – руки оборву!

– Всем не наобрываешься, – еле слышно говорит Роза.

– А?! – Пульчинелла делает вид, что глуха на ухо. – Че? Че говоришь-то?! Маму любишь? Так мы тебе и поверили. Дуры такие. Бестолковые такие. На том свете на сковороде жариться будешь за то, что на мать руку подняла.

– Чего? – не выдерживает Роза. – Совсем с ума сошла?

– Меня в психушку не возьмут! – храбро сражается Пульчинелла. – А вот тебя – запросто. Скажу, что чертей ловишь и под кроватью от соседей прячешься...

– Мама, – предпринимает еще одну попытку Роза, – ну что ты говоришь? Ты сама себя не слышишь.

– Зато я тебя слышу! – Пульчинелла поднимает вверх указательный палец и грозит: – Я все слышу... Все-все...

– Ничего не слышит, – сердится Зоя Семеновна на мужа и торопится из кухни в прихожую открыть дверь.

– Тося! – кричит она ему. – В дверь звонят! Совсем глухой?

А Тося и вправду не слышит. На нем – наушники, он смотрит телевизор. Показывают какую-то ерунду. Зато можно подумать о своем.

Зоя Семеновна с трудом открывает тяжелую входную дверь и расплывается в улыбке – на площадке стоит внучка, за последнее лето вытянувшаяся и похорошевшая.

– Бабуль! Я уж думала, тебя нет.

– Куда это я делась? – шутит Зоя.

– Ну, не знаю. В магазин, может, пошла.

– Чего это я в магазин пойду, когда Тося здесь?

– Дедуля дома? – радуется внучка, сбросив туфли в центре прихожей.

Зоя Семеновна не говорит ни слова, а просто красноречиво смотрит на разбросанную посреди прохода обувь. Внучка быстро перехватывает ее взгляд и аккуратно ставит туфли на тряпку.

– Пирог скоро готовы будут, – объявляет Зоя Семеновна. – Дедулю зови.

Внучка безошибочно определяет месторасположение деда и трогает того за плечо. Тося в который раз за день вздрагивает:

– А?

– Дедуль, привет, – целует его внучка в покрытую щетиной щеку.

Тот приветливо кивает, но, как обычно, немногословен:

– Давно пришла?

– Только что! – объявляет внучка и призывно машет рукой, всем своим видом демонстрируя, что ей некогда и она «на минуточку».

Пока Тося выбирается из своего кресла, аккуратно складывает провод от наушников, внучка усаживается за стол в ожидании угощения.

– С капустой будешь? – интересуется Зоя Семеновна, колдуя над пирогом, вынутым из духовки. Она смазывает перышком, щедро смоченным растопленным маслом, его тонкую румяную корочку.

– А сладкий есть?

– Нет. Только с саго. Сладкий не делала – Тосе нельзя. У него диабет, сахар подскочит, чесаться будет. А чем тебе с капустой не нравится?

Внучка тем временем смотрит в окно и думает о чем-то о своем.

– Аля, ты меня слышишь? – спрашивает Зоя Семеновна и уже готова обвинить сегодняшний день в том, что все, как нарочно, сегодня рассеянны и не обращают на нее внимания.

– Слышу, – выныривает из неведомых глубин Аля и предупреждает бабушку: – Я на минуточку.

– А чего на минуточку? – ворчит Зоя Семеновна и ставит перед внучкой тарелку с куском пирога. – Чай или бульон?

– А что быстрее?

– Какая разница – что хочешь!

– Тогда чай, – просит Аля к Зоиному неудовольствию.

– Опять одна сухомятка. Давай бульон?

– Нет, – машет руками внучка с такой силой, что Зоя Семеновна обеспокоенно выглядывает в окно. – Тебя там ждет, может, кто?

Аля краснеет.

– Да? – Бабушка хитро на нее смотрит. – Не Игорь, часом?
Внучка отрицательно машет головой.
– Не Игорь?! – изумляется Зоя Семеновна. – Неужели Олежка?
Аля молчит.
– Не Олежка, значит. А кто?
– Ты его не знаешь, – защищается изо всех сил Аля, а сама так и косится в окно.
– Вот и плохо, что не знаю, – обижается Зоя. – Надо было привести. Как знала, пироги испекла.
– Не надо, – успокаивает ее внучка.
– Как это «не надо»? – сердится Зоя Семеновна. – Ее парень во дворе ждет, а мне «не надо». И мне надо. И дедуле надо. Да, Тося?
– А? – переспрашивает тот, не понимая, в чем дело.
Аля двигает табурет к окну и выдвигает другой из-под стола:
– Садись, дедуля.
Зоя Семеновна устраивается напротив. Она любит смотреть, как едят ее близкие, поэтому еду не жалеет и щедро накладывает на тарелку, приговаривая:
– Ешь досыта.
– Я столько не съем, – жалуется Аля. – Можно я с собой?
– А пригласила бы, – назидательно говорит Зоя Семеновна. – Вместе бы чай попили.
Заодно и мы с дедом на него бы посмотрели.
– Что? – интересуется тугоухий Тося, плохо понимающий, о чем речь.
– Ну, бабу-у-уля, – делает страшные глаза внучка и выбирается из-за стола.
– На-ка, – через минуту Зоя Семеновна протягивает Але небольшой сверток. – Возьми.
Голодный, поди, стоит, тебя караулит.
Тося провожает глазами сверток, но ни слова не говорит. Ест.
– Пока, дедуль. Спасибо, бабуль, – нежно чирикает Аля и спешно обувается, торопясь на встречу с возлюбленным.
– Как зовут-то? – делает последнюю попытку Зоя Семеновна выведать хоть что-то.
Аля наклоняется к ее уху и что-то шепчет.
– Не русский, значит?
– Татарин, – признается внучка.
– Началось! – гневается Зоя Семеновна. – Один татарин у нас уже есть, – поминает она свата. – Теперь еще один будет.
Аля прекрасно понимает, в чей огород летит камень, а потому звонко целует бабулю в щеку и быстро спускается вниз.
– Ушла? – с набитым ртом спрашивает Тося.
– Ушла, – вздыхает Зоя Семеновна. – Ушла. И чего-то беспокойно мне. Словно вот здесь, – она показывает на грудь, – камень.

Это был уже третий камень за день. Первые два влетели в кухню Пульчинеллы сразу же после рокового обеда, во время которого выжившая из ума старуха обварила кипятком дворовых кошек, облюбовавших вход в подвал именно под ее окнами.

Третий бросок совершил Плохиш – внук Фаустовой, пропустивший первые два из-за своей бестолковой бабки, позвавшей его обедать. Узнав о кошках, Плохиш не захотел оставаться в стороне и примкнул к отряду дворовых мстителей злосчастной Пульчинелле.

– Это что за сволочь?! – отчаянно завизжала Пульчинелла и высунулась из окна.
– Осторожней, мама, – предупредила ее дочь, опасавшаяся, что камень, предназначенный для Пульчинеллы, в данный момент может выниматься из-за пазухи.

– Опять эта сволочь! – кричала Пульча вслед утекающему Плохишу, чью причастность к содеянному она определила безошибочно. – Я ведь не посмотрю, что у тебя отец – прокурор, – пригрозила она фаустовскому внуку. – Я тебе жир-то выпущу, кабан неповоротливый. Бегать сначала научись, боров!

– Мама! – одернула ее Роза. – Это же ребенок. Прекрати. Я сама поговорю с его родителями.

– Кто тебя будет слушать, убогую?!

Пульчинелла временно покинула боевой пост, пытаясь навести порядок во внутренних частях, но тут же вернулась к своему окну. Через двор мимо ее окон медленно шла «Зойкина внучка с хахалем».

– Здравствуйте, – поприветствовала ее Аля, с детства натренированная здороваться со всяким знакомым взрослым, особенно пожилого возраста.

– Кого я ви-и-жу! – радостно замурлыкала Пульчинелла и замерла в предвкушении долгожданного скандала. Это тебе не спина улепетывающего в сторону двора Плохиша!

– Здравствуйте, – повторил вслед за возлюбленной Марат, тоже воспитанный в уважении к старшим.

– У бабушки была? – миролюбиво поинтересовалась старуха, плотоядно облизнувшись.

Но не успела Аля ответить на заданный вопрос, как Пульчинелла разразилась хамской тирадой:

– А чего же твоя бабушка не объяснила тебе, засыхе, что в таких коротких юбках ходят только проститутки? А?!

Аля опешила.

– Чего ж твоя бабушка-то, умная, свою внучку-то так воспитала?! И к мужику приставила?

– Эй, бабушка, – прервал ее недоумевающий Марат. – Это вы о чем?

– А ты, татарва немытая, вообще рот закрой! – твякнула Пульчинелла и собралась было продолжить начатую речь, но быстро ретировалась, как только обнаружила, что Алин спутник что-то поднял с земли.

– Проститутка! – выкрикнула она из-за виноградной завесы. – И бабка твоя проститутка!

Растерявшаяся Алечка не знала, что делать: то ли плакать, то ли бежать, то ли оттащить Марата от этого злополучного окна. Пока девушка определялась в желаниях, Пульчинелла продолжала визжать из-за окна на весь двор:

– Милиция! Окна бьют! Пожилого человека оскорбляют! Помогите!

К «говорящему» окну стекались любопытствующие самых разных сортов: отряд юных мстителей с камнями за пазухой, дворовые старики и старухи, случайные прохожие, жители соседних домов. Пульчинелла, почувствовав себя в центре внимания, смело высунулась из окна и пообещала выйти во двор, «чтобы наконец-то навести порядок, пока милиция едет».

– Бежим? – только и успела шепнуть Марату Алечка, но тут же осеклась: ее провожатый оказался в плотном кольце зрителей.

– Лю-ю-юди! – пафосно обратилась к ним выскочившая из подъезда Пульчинелла. – Ведь чуть меня не убили! Этот, – она ткнула скрюченным пальцем в грудь Марату, – и девка его...

Она поискала глазами Алю, но не нашла.

– Сколько же можно терпеть?! Меня, пожилого человека, со свету сживают! И никакой защиты!

Пока Пульчинелла исполняла свою арию перед слушателями, Алечка лихорадочно трезвонила в бабулину дверь.

– Что случилось? – выглянул встревоженный Тося, как всегда открыв дверь без предва- рительного «кто?».

– Дедулечка... – задыхаясь, произнесла Аля и только собралась разрыдаться, как из спальни выплыла величавая Зоя Семеновна и строго, но без суеты, очень сдержанно спросила:

– Тебя кто-то обидел, Аля?

Пока внучка сбивчиво объясняла, что случилось, бабушка узловатыми пальцами поправила прическу, оправила домашнее платье, не торопясь обула туфли и зычно скомандовала:

– Одевайся, Тося. И палку возьми.

Аля даже не рискнула поинтересоваться, зачем Тосе палка, ибо сам Тося не выразил никакого неудовольствия от полученного распоряжения.

Перевозбудившаяся Пульчинелла, разумеется, не заметила торжественного сошествия со знаменитого генеральского крыльца Зои Семеновны с мужем и внучкой. Разгоряченная присутствием публики, «актриса» размахивала руками, грозила бледному Марату кулаком, призывая в свидетели – ни много ни мало – самого Ивана Грозного, бравшего Казань!

Пульчинелла, почувствовав свой звездный час, потеряла бдительность и оказалась совершенно не готова ко встрече с той, у которой «сын – майор и внучки – отличницы».

– Малолетние проститутки! – выкрикнула Пульчинелла и осеклась, увидев напротив себя ненавистную соседку.

– Проститутки, говорите? – вполголоса переспросила Зоя Семеновна и сделала шаг вперед.

– А чего это ты, Зоя, со мной на «вы»?

– А когда это, Нелли Афанасьевна, я с вами была на «ты»?

– Да ты мне слова-то доброго никогда не сказала. А я уж, почитай, двадцать лет здесь живу.

– Вот и живите, Нелли Афанасьевна, живите тихо и спокойно. Никого, Нелли Афанасьевна, не трогайте. Никого не оскорбляйте.

– А то че? – осклабилась Пульчинелла и нехорошо засмеялась. – Мужа натравишь?

– Своего – пожалею, руки потом не отмое. А вашего-то, простите, Нелли Афанасьевна, не видела никогда и вообще сомневаюсь, был ли.

– Ты че ж, Зой, намекаешь, что я Розку во грехе родила?

– Мне, Нелли Афанасьевна, все равно. Твоя дочь – ты и смотри. А я за своей внучкой как-нибудь сама присмотрю.

– За проституткой своей малолетней? Юбка-то вон еле срам закрывает.

После этих слов Аля не удержалась и заплакала. Увидев слезы на глазах возлюбленной, Марат побледнел, сжал губы и сделал шаг вперед, но тут же был оттеснен Зоей Семеновной.

Она напряглась, сузила глаза и пошла на Пульчинеллу с непроницаемым выражением иконописного лица. Но взъерошенная Неля продолжала наскакивать на противницу:

– Дожили! Татарву в дом тащут. Молодую девку в кровать укладывают...

Зоя Семеновна поднесла к своим губам палец и еле слышно произнесла:

– Ти-и-ише, Нелли Афанасьевна. Ти-и-ише...

– А мне не страшно! – подпрыгнула Пульчинелла, кажущаяся рядом со статной Зоей Семеновной кукольно маленькой.

– Вот и хорошо, – так же тихо произнесла Зоя и странно посмотрела в глаза взбалмошной старухе. – Никогда, Нелли Афанасьевна, в сторону моей Алечки больше не смотри. И пасть свою больше не открывай. Не надо, Неля.

Пульчинелла под Зоиным взглядом странно осела, забормотала что-то себе под нос и жалобно позвала Розу, подглядывавшую за происходящим из-за затянутого плющом окна:

– Ро-о-о-з... Ты дома, что ль?

Пульчероза высунулась наружу.

– Ты ее забери, девочка, – обратилась к ней Зоя Семеновна. – Пусть домой идет. Нечего людей-то смешить. Стыдно.

– Хорошо, тетя Зой, – с готовностью пролепетала Роза и снова исчезла за виноградной лозой.

– А ты чего пришипилась? – гневно пригвоздила Зоя Семеновна покрывшуюся пятнами Алечку. – Говорила тебе, короче юбку обрежь и ходи, подняв голову! Пусть завидуют. И парня своего давай забирай. Татарин – не татарин, сами разберемся! Пойдем, Тося.

Тося, опершись на палку, посторонился, пропустил жену, подтянувшихся Алечку с Маратом и двинулся следом за своими степенно, как барин.

– Зоя Семеновна! – бросилась к соседке выбежавшая из своего подъезда к шапочному разбору Фаустова. – Правда, что ли, Неля сошла с ума?

– Не знаю, Екатерина Григорьевна, – нехотя ответила Зоя и продолжила свой путь.

– Жалко... – запричитала Фаустова и присела на скамейку.

К ней подтянулись еще соседки, потом – еще...

– Я уже утром заметила: не в себе она, – рассказывала Фаустова окружившим ее женщинам, поглядывая на «Зойкины» окна. – Майора с прокурором перепутала. Жа-а-алко...

«Может, год, а может, и два...»

Фамилия ее была Кукуруза. И тот, кто слышал эту фамилию впервые, недоуменно поднимал брови и давил в себе детское хихиканье, которое рождается в человеке всем запретам назло. Такое бывает во время траурных митингов, когда всех собирают слушать пронзительно печальную музыку и скорбные речи ораторов. В итоге одни плачут, а другие, стыдно сказать, посмотрят друг на друга и начинают хихикать...

Так вот, Кукуруза была из их числа: также хихикала к месту и не к месту. Как правило, не к месту. Не случайно Коля – ее муж – любил приговаривать: «Бог не выдаст, свинья не съест, зато Верочка на чудеса горазда». Верочка – это и есть та самая Кукуруза. И правильно Коля говорил, потому что сам начальник отдела кадров от лукавых Верочкиных глаз взор отводил и перед партсобранием всегда грозил ей узловатым пальцем:

– Слышишь, Кукуруза? Ты себя в руках-то держи. Ты мужу-то соответствуй, Вера Павловна. На ответственной работе он у тебя. Навредить можешь. Смотри у меня, Кукуруза.

Вот Кукуруза и старается: смотрит-смотрит, а потом начинает хихикать, пока кто-нибудь ей в бок локтем не даст, чтоб не случилось чего-нибудь такого, непредвиденного.

На непредвиденное Вера Павловна была горазда. Вот что правда, то правда! Может, за это Коля-то ее и терпел. А может, и любил даже. Некоторые говорят – точно любил. Это ж не шутки – рядом с Кукурузой жить! Никогда не знаешь, с какого бока посыплется.

Всякое бывало у них в доме. То Верочка с соседом напротив маски эфиопские наденут, Колей из Африки привезенные, и пойдут жильцов пугать. То всю ребятню из двора на Волгу уведет, чтоб с дамбы ныряли, а то сидят по домам, «к мамке пристегнутые». То подкладку для шубы из натурального шелка закажет, а потом отпорет и нейлоновую пришьет – модно потому что...

Вера она и есть Вера. И в глаз ей давали за ряженье ее это с соседом, и на собрание заводского женсовета вызывали за то, что чуть детей не утопила, и пальцем у виска крутили, когда шелковый подклад в мусорку выбросила. Хоть бы хны!

– Я не бабка, чтоб дома сидеть! – покрикивала на мужа Кукуруза.

– Ве-е-ера, – пытался утихомирить ее пыл Николай Алексеевич. – Ну что ты людей смешишь? Зачем ты Алешке парашют из бабушкиной юбки сделала?

– А что такого-то? – тараторила Вера Павловна. – Что такого-то? Юбка старая. А тут сгодилась – мама и не заметила.

– Ве-е-ера, ну что ты как маленькая?! Ты что, не знаешь, что они этот парашют на кошке проверяли. Ладно – этаж третий, а то убила бы кошка.

– Чего бы это она убила? – изумлялась Верочка. – Юбка-то прочная. Можно было бы и тебя запустать, да парашют только маленький.

И тут Вера Павловна шурилась, отчего выражение ее лица становилось хитрым, закусывала губу и начинала хихикать, представляя, как под цветастым парашютом летит ее Коля с кошкой на руках.

– Ну чего здесь смешного?! – искренне удивлялся Николай Алексеевич. – Не понимаю...

Вера Павловна на минутку переставала хихикать, недоверчиво смотрела на мужа (неужто не понимает) и шла к Лидочке Масловой, живущей напротив: рассказать про свои с Алешкой достижения. Мать да сын: два сапога – пара.

Когда Верочка уходила из дома, Николай Алексеевич Кукуруза вздыхал полной грудью и приступал к отложенным в долгий ящик домашним делам: переплетал скопившиеся за год журналы «Экран», «Огонек», «Наука и жизнь»; любовно перебирал книги и под порядковым номером заносил их в тетрадку с надписью «Моя библиотека», изредка помечая простым карандашом «дубл», что означало: «в двух экземплярах и Леша заберет».

Порой, воспользовавшись отсутствием жены, Николай Алексеевич доставал с антресолей коробку с пластинками и, выбрав одну, бережно вынимал ее из картонного пакета, аккуратно держа двумя пальцами за черные блестящие края. Чаще всего это был Брамс. Иногда – Шопен. Еще реже – Дебюсси.

Последнего Верочка особенно не любила. И, промучившись рядом с мужем минут пять, слезно молила:

– Господи, Коля, выключи ты эту тягомотину. Поставь Кобзона. Поставь Магомаева. Хиля поставь! А то ни одного слова не разобрать.

– А здесь и нет ни одного слова, – устало сообщал Николай Алексеевич Вере Павловне.

– Нету? – округляла свои глаза Кукуруза. – А я-то думала: не по-русски поют...

Коля смотрел на жену с жалостью, подозревая ее в крайней форме слабоумия, а потом в сердцах вскакивал и выключал проигрыватель.

– Да слушай ты, ради бога! – возмущалась Вера Павловна. – Кто тебе мешает? Хоть обслушайся весь. Больно надо.

– Ве-е-ера! – чуть не плакал Николай Алексеевич. – Ну зачем ты так делаешь?!

– А что я делаю-то? – изумлялась Кукуруза и в недоумении разводила руками. – Чего такого-то? Я что, виновата: «бреньк да бреньк, бреньк да бреньк». Ни тебе спеть, ни тебе поговорить.

– Это не «бреньк»! – выходил из себя Коля. – Это арфа.

– Ну так бы и сказал, что арфа. Я б послушала.

Николай Алексеевич в сердцах махал рукой и надевал шляпу.

– Ты куда? – вскакивала Верочка с дивана и начинала спешно собираться. – Я с тобой.

И Коле не оставалось ничего другого, как томиться в передней, пока Вера Павловна укладывает волосы волной и прилежно пудрит свой вздернутый нос. Уж что-что, а пройтись по району с мужем Кукуруза любила.

– Здравствуйте, Николай Алексеевич! – приветствовали ее мужа рабочие.

– Здравствуйте, – торопилась ответить Верочка и покровительственно качала головой в перманенте.

– Здравствуйте, Вера Павловна, – повторяли приветствие труженики, демонстрируя почтение к жене начальника цеха.

– Здравствуй-здравствуй, Петров, – Верочка безошибочно вспоминала фамилию рабочего.

– И как вы все помните, Вера Павловна?

– Посиди с мое в отделе кадров, – небрежно роняла Верочка, и супружеская чета чинно продолжала свой путь.

Кстати, в отделе кадров Вера Павловна «отсидела» ровно один год, да и то благодаря ходатайству самого Николая Алексеевича. Без его участия ни в какой бы отдел, а уж тем более кадров Верочку бы не пригласили вообще, несмотря на приближающийся пенсионный возраст. Весь завод был единодушно убежден, что брак у Кукуруз «неравный», что Верке, в отличие от Николая Алексеевича, несказанно повезло, а вот сам – тот, «конечно, мучается». А что делать? Человек он интеллигентный, образованный. По молодости не разобрался, а когда разобрался – уже нельзя было развестись. И дети тут, и внуки, и жизнь сложилась. «Печальная история...»

Песню о золотых саратовских огнях Вера Павловна любила. Пела ее часто, половину слов заменяя душевным «ла-ла-ла». Но особое удовольствие она получала от оперетты: «Да, я шу-у-ут. Я циркач. Но что же? Пусть меня-а-а так зовут вельмо-о-ожи...» От слова «вельможи» у Верочки начинала кружиться голова, и она представляла себя всю такую – в цирковых огнях и с перьями на голове!

Принцесса цирка, одним словом.

Побыв ею в своем богатом воображении, Вера Павловна отдавала должное исполнительскому мастерству Мистера Икса и, довольная, признавалась: «Поют же некоторые». Потом она роняла слезу, легко ее смахивала и отмечала простым карандашом в программе передач на неделю время очередного концерта.

Заметив в жене непреодолимую страсть к искусству, Николай Алексеевич подарил ей пластинку под названием «Ах, эти черные глаза...». Вера Павловна подарок оценила и начала использовать его по полной программе. Днем и ночью. Пока соседи не стали стучать то в пол, то в потолок, а то и просто по батареям. Видите ли, у них водились дети и была какая-то первая (третья) смена!

Николай Алексеевич, наблюдая за развитием конфликта с соседями, не на шутку перепугался и решил его урегулировать. Для этого он попытался поменять репертуар, подозревая, что романсы могут быть не каждому по душе. Благо и подходящий повод подвернулся: у двери топталось Восьмое марта. Супруг предстал перед Верой Павловной, бережно прижимая к груди пластинку с записями песен Людмилы Зыкиной.

– Это что? – гневно спросила Кукуруза супруга.

– Твоя любимая, – таинственно сообщил Николай Алексеевич и тоненько пропел, поженски прикрыв глаза:

Подари мне платок...
Голубой лоскуток...
И чтоб был по краям...

– Я что? – ехидно поинтересовалась Вера Павловна. – Задницу ею прикрывать буду?
У мужа отвисла челюсть.

– Я думал, тебе песня нравится, – начал оправдываться Николай Алексеевич.

– Нравится, – подтвердила Верочка, а потом добавила: – Но нитка жемчуга мне нравится больше. Красиво.

С красотой у Веры Павловны были свои отношения: бусы, морковная помада и кудри. Эти три условия Верочка соблюдала неукоснительно, невзирая на периодически насканивающие на нее неприятности и недомогания.

Неприятностью номер один для Веры Павловны было отсутствие праздников.

– Хватит! – заявляла она во всеуслышание. – Поработала! Пора и честь знать. (К слову, поработала она только год в том самом отделе кадров.) Для чего людям пенсию дают? Отдыхать надо.

Самой желанной формой отдыха для Верочки становилось застолье, на подготовку к которому она могла потратить целый день, а то и два, если студень варила и торт пекла.

Николай Алексеевич застолий не любил, но жене не перечил и просто из года в год задавал один и тот же вопрос:

– Зачем тебе это, Вера?

– Как – зачем? – искренно изумлялась Верочка, в глубине души считая мужа несколько преглуповатым. – А жить когда?

– Разве ты не живешь? – пытался убеждать жену Николай Алексеевич.

– А то живу?! – сердилась Вера Павловна. – Сначала полжизни твоего сына воспитывала. Потом – работала. До себя руки не доходили. На пенсию вышла, думаю, хоть немного поживу для себя. Но нет! Коля не разрешает. А я так тебя и послушалась!

– Да я не запрещаю, – не терял надежды Кукуруза. – Но не каждый же раз.

– Тебе что, жалко?! – срубала наповал Верочка.

– Да мне-то не жалко!

– А не жалко, значит, не мешай. И людям праздник. И мы вроде как радуемся. А если ты из-за денег, так я с пенсии отдам, – обещала Вера Павловна мужу и уходила на кухню листать календарь. – Нехорошо, Коля.

Коле после ее слов становилось стыдно, и он с повинной тащился в кухню, предлагая купить все, что требуется по списку.

– Не надо, – поджав губы, отказывалась Верочка и, словно в никуда, добавляла: – Пусть мама сходит. Или сама я. Хоть ноги у меня и больные, но все вытерпят! Перед гостями лицом в грязь не ударю, не дождешься!

– Ты, главное, приготовь, – шел на попятную Кукуруза и доставал из-под мойки авоськи.

– Много ты в них принесешь! – как бы между прочим роняла Вера Павловна, а потом, не выдержав, давала список и выволакивала из темнушки рюкзак.

– Не много?

– А ты что, только на праздник, Коля, ешь?

Николаю Алексеевичу приходилось признаваться, что, конечно, не только на праздник, и вопрос решался положительно: рюкзак, «всего досыта» и чтоб перед гостями не стыдно.

Вторая неприятность, которой Верочка старалась избегать, – это встреча с одноклассниками. Почему-то в классе ее не любили, считая глупенькой и недалекой, в то время как она была открытой, простодушной и неумно веселой. Среди бывших соучеников она признавала лишь Юрку Генералова, влюбленного в нее с первого класса.

– Гаврикова! – обращался он к ней по телефону и в очередной раз предлагал: – Выходи за меня замуж. Хоть фамилия у тебя будет приличная – Генералова, а то смех один – Кукуруза.

– Ты на себя посмотри, – хихикала Вера Павловна в трубку. – Кто на тебя позарится?! Ты ж лысый! Как с тобой Маруся-то живет?

– Хорошо живет! – клялся Генералов. – Светло ей со мной.

– Лысина светит? – заигрывала с ним Верочка.

– Ты на лысину-то не смотри, – кокетничал одноклассник.

– А куда ж мне смотреть?

– Смотри, куда надо! – хохотал Генералов, а потом неожиданно замолкал и скомканно, чтоб потом быстро бросить трубку, добавлял: – Слышишь, Вер, ты, если того, разведешься со своим-то или он тебя бросит, ко мне переходит...

– С ума сошел! – кричала в ответ Вера Павловна. – Это при живой жене-то!

– С Марусей я решу, если что, – обещал Юрка и торопился закончить разговор.

– Решит он! – возмущалась Кукуруза, но при этом улыбалась во весь свой морковный рот. – Решальщик!

После коротких разговоров с Генераловым Верочка надевала таинственное выражение лица и носила его до Колиного прихода, останавливаясь у зеркала, перед которым взбивала свои жидкие кудри и поправляла на груди всенепременную жемчужную нитку.

– Генералов звонил, – не могла она удержаться и, как бы между прочим, сообщала об этом Николаю Алексеевичу, едва переступившему порог своего дома.

– Здоров? – с готовностью отзывался Кукуруза.

– Здоров. Чего ему станется?

– Маруся у него болеет.

– Чего с ней?

– Возраст, – разводил руками Николай Алексеевич.

– Да она всего на год старше меня, – отказывалась принимать во внимание мужнины слова Верочка.

– При чем тут это?

– При том, – обрывала его Вера Павловна и гремела кастрюлями, всем своим видом показывая, что слышать ничего об этом не желает.

Зато когда Маруся Генералова умерла, Верочка наотрез отказалась общаться с ровесницами, ограничив свой круг младшей по возрасту Лидусей Масловой, соседкой из квартиры напротив, с которой ее связывала многолетняя дружба и общие проказы.

– О чем мне с ними разговаривать? – жаловалась Кукуруза невестке и горестно добавляла: – Пока молодыми были, не больно-то разговаривали, а теперь и совсем не хочу. Старухи!

Все остальные неприятности Вера Павловна отметала с легкостью, отказав им в мало-мальской значимости.

– У тебя сердце! – напоминал ей Николай Алексеевич, долго переживавший первый инфаркт супруги.

– У всех сердце, – парировала жена.

– Беречься надо, – беспокоился о ней Кукуруза.

– От жизни разве убережешься?!

– Не от жизни, Вера, от себя самой: на ночь не есть, жирное ограничить, больше двигаться...

– Неизвестно еще, кто кого переживет, – бунтовала Верочка и рассасывала валидол, пока никто не видел.

И была права: Коля ушел первым.

Следом за ним – его безропотная теща, маленькая и сухонькая баба Катя, имевшая удивительную способность оставаться незамеченной даже на приеме у врача.

Вера сочла уход близких несправедливым и объявила покойникам бойкот, объявив их предателями. А как же по-другому можно было назвать их, разрушивших столь милый для Верочки миропорядок? И не то чтобы со смертью Коли она разлюбила праздники. Нет, просто рядом с ним, в руках которого дребезжала переполненная рыночной провизией сумка на колесиках, Вера Павловна особенно остро ощущала полноту самой, как ей казалось, творящейся жизни. И ей это нравилось, и радость кормилась с ее ладони, как прирученная птица.

Если раньше Верочка могла хохотать до упаду, припомнив какой-нибудь забавный случай из их с Колей прошлого, то теперь она, лениво хихикнув, только добавляла: «Да-а-а, было... И не такое бывало!» – а потом умолкала и механически переворачивала страницы старого альбома с семейными фотографиями.

Иногда вечерами Вера Павловна включала проигрыватель и слушала того самого непонятного Дебюсси, пытаясь распознать звуки арфы, когда-то пренебрежительно именуемые ею «бреньк да бреньк». Дебюсси не давался Вере по-прежнему, и от этого она злилась и плакала. И, постояв немного над крутящимся лакированным диском, резко смахивала иглу, отчего на пластинке появлялась белесая тоненькая борозда. «Ни себе, ни людям!» – ругалась она и гневно смотрела на Колину фотографию, стоящую на телевизоре.

В число предателей она записала и собственного сына, ушедшего из семьи.

– Ты для меня умер! – заявила она ему и в сердцах захлопнула дверь.

– Нельзя так, Вера! – упрекнула соседку Лидусю Маслова. – Это ж сын!

– Тебя тоже никто не держит! – обиделась Вера Павловна и развязала войну с давней подругой.

Правда, через какое-то время простила отступницу: «Кто старое помянет, тому – глаз вон!»

В наследство от прошлой жизни Кукурузе досталась жесточайшая аритмия, больной желудок и верная Лидка, каждый день навещавшая подругу молодости, которой было просто лень подняться с дивана, чтобы открыть ей, Лидочке, входную дверь.

После второго инфаркта Веры Павловны Лидуся требования ужесточила и обзавелась ключами от соседской квартиры.

– Если я не открою, – предупреждала Верочка бывшую сноху и внучку. – Ключи у Масловых... И этому скажите. Вдруг припрется.

«Этот» от контактов с матерью воздерживался, предпочитая все новости узнавать либо из уст тети Лиды, либо из уст собственной дочери, взявшей над ослабевшей Верой Павловной шефство.

– Бабусь, – звонила ей внучка, обладательница старомодного имени Серафима. – Тебе что привезти? В субботу приеду.

– Колбасы, – не задумываясь, отвечала Верочка и через секунду отказывалась от своих слов: – Ничего мне не надо.

– Бабусь, – сердилась Сима. – Ну что ты как маленькая! Все равно же еду... Говори сразу.

– Я подумаю, – отказывалась от скоропалительных решений Кукуруза, после чего внучка обещала позвонить вечером.

Тогда до самого вечера Верочка пребывала в размышлениях, а потом на обрывке газеты дрожащей рукой записывала: «Колбаса краковская – катулька. Карбонат – 300 граммов. Мясо – свинина. Курица (в скобках – домашняя). Лук – килограмм». Составив список, Вера Павловна морщила свой гладкий не по годам лоб и обязательно дописывала: «Лосьон огуречный». Никаким другим косметическим средствам Кукуруза не доверяла.

Подумав еще какое-то время, Верочка присаживалась на диван и пытливо смотрела на телефон: «Позвонят? Не позвонят?»

Серафима слово держала и обязательно перезванивала.

– Придумала? – интересовалась она у Веры Павловны.

– Я тебе не сказочник, чтоб придумывать! – хорохорилась Верочка, но обрывок газеты с записями держала поблизости. Под рукой.

– Ну ладно, бабусь, – устало отвечала Серафима. – Не сказочник ты никакой. Говори, что нужно.

– А ты чего? – вдруг пугалась Верочка и засыпала внучку вопросами: – Уработалась, Сима? Разве это мыслимо, работать-то так? Чай, ты не лошадь, Сима. Всей работы не переделаешь!

– Все нормально! – Серафима начинала закипать.

– Вижу я, как все нормально! – со слезой в голосе возражала Кукуруза и жаловалась покойному Коле, чей портрет занимал почетное место в серванте, уважительно именуемом «Хельга». – Затуркали, Коля, твою внучку! Ты растил, значит, растил... А ее взяли и затуркали!

Коля, как полагается, хранил молчание, и этот факт выводил Веру Павловну из себя:

– Чего молчишь? Спрашиваю, спрашиваю! А ты молчишь и молчишь... Чистый истукан, а не человек! Вот всю жизнь ты так: слова от тебя не допросишься! Хоть тресни!

– Бабусь! – взывала в трубке обеспокоенная Серафима. – С кем ты там разговариваешь?

– С кем я могу разговаривать? – на ходу меняла интонацию Вера Павловна. – Одна как перст, а то ты не знаешь. Записывай давай.

Сима покорно склоняла голову, но больше никаких телодвижений не совершала, так как вышеупомянутый список знала наизусть. Вообще, можно было ни о чем упрямую бабку не спрашивать, а спокойненько укладывать в пакет тот перечень продуктов, который обычно оглашался Верой Павловной после коротких уговоров. Но Серафима все равно всякий раз уточняла: «Колбаса? Карбонат? Свинина? Домашняя курица?» Про огуречный лосьон можно было и не переспрашивать. История о том, что его сняли с производства и «сейчас вам не советское время», Кукурузу абсолютно не волновала, ибо в ее сознании был свой мир предметов и явлений, нарушить который смогла бы, наверное, только мировая революция. Но... (Вера Павловна точно знала) она уже была, и значит, отсутствие огуречного лосьона в косметических отделах местных магазинов – это не что иное, как Симкин вымысел, «чтобы ноги не сбивать».

Правда, после того как Лидуся Маслова подтвердила поступающую из внешнего мира информацию словами: «Как же! Станет тебе твой Ельцин огуречный лосьон выпускать!» –

Верочка насторожилась и решила спуститься со своего блатного третьего этажа в мир абсолютного дефицита 90-х.

Выход в свет Веру Павловну разочаровал настолько, что она в сердцах заявила предателю Лешке:

– Совсем уж ноги не держат. Одна надежда была на Колю. Теперь – все! Стакан воды будет некому подать...

Предатель Лешка искренне возмутился:

– А я? А Серафима?

– «Я-а-а... Серафи-и-има», – передразнила Верочка. – Где ты? И где Серафима? Затуркали девчонку! Ты хоть бы денег ей дал!

– У нее вообще-то муж есть! – напомнил сын, чем еще более осложнил собственное положение.

– Много твой муж ей даст! – топнула ногой Вера Павловна. – На кусок мяса! И сам же его и съест! А одеться девчонке? А туда-сюда? В кино, театр. На нее ведь люди смотрят... Муж-уж ей даст!

– Да что ты знаешь-то про ее мужа?! – возмущается Алексей Николаевич Кукуруза.

– Ты зато много знаешь! – наскაკивает на него Верочка, забыв о том, что буквально пару минут назад ее отказывались держать собственные ноги.

– Хороший мужик, – чуть-чуть сбавляет обороты предатель Лешка, но уже чувствует, как потихоньку начинает щемить доставшееся от матери в наследство аритмичное сердце.

– Ты вон тоже хороший! – не дает ему спуска Вера Павловна. – А из семьи ушел! Отца в гроб вогнал. Зато жена новая, а как там его девчоночка-то растет, так это не его дело. Взрослая уже! Ты дочь-то, как положено, замуж не выдал. Зато – «муж у него хороший»...

– У нее...

– И так ясно, что у нее.

Обалдевший от обвинений Алексей Николаевич багровел, потирал грудь и несколько раз предпринимал попытку подняться из-за стола. За это время Верочка дважды успевала подойти к зеркалу взбить свои седенькие букли, дважды открыть и закрыть дверь холодильника «ЗИЛ», дважды включить и выключить газ, якобы собираясь поставить чайник.

– Валидол-то дать? – как бы невзначай спрашивала Кукуруза сына-сердечника.

– Дай, – как бы между прочим, отвечал предатель Лешка, мысленно обещавший себе без нужды больше к матери не заходить.

– На... – протягивала ему таблетку Вера Павловна и, подвинув к себе телефон, набирала номер.

– Не надо «Скорую»! – пугался предатель.

Верочка хранила молчание, а потом, преобразившись, официально спрашивала:

– Это муниципалитет?

Трубка молчала.

– Отдел опеки и попечительства?

В трубке что-то заскрежетало, и Вера Павловна с достоинством произнесла:

– Трунину Серафиму Алексеевну, будьте любезны.

Через минуту трубка голосом Труниной Серафимы Алексеевны проскрипела: «Я вас слушаю. Отдел опеки и попечительства...»

– Сима! – обрадовалась Верочка. – Я тут подумала и решила. Возьми деньги. Я откладывала, купи себе нормальное пальто. Хочу, чтобы ты была как люди одета. Если о тебе не может позаботиться твой собственный отец, это сделаю я.

– Бабуся, – прошипела на том конце Серафима. – Я вообще-то на работе!

– Я тоже тут, прости, не хреном грушу околачиваю. И не забудь мне привезти курицу...

– Я помню, – торопилась закончить беседу Серафима.

– И колбасу! – напоминала Кукуруза.

– Пока, бабуся. Я перезвоню...

Услышав гудки, Вера Павловна секунду соображала, а потом, посмотрев сквозь предателя, заявляла:

– Все-таки твоя дочь совершенно не умеет выбирать мясо.

– Ты тоже не умеешь выбирать мясо, – напоминал матери причмокивающий валидолом Алексей Николаевич.

– А кто это его все время выбирал-то? – снова ставила Верочка ногу на тропу войны.

– Баба старенькая и отец. И зачем вообще ты просишь Симку тащиться к тебе через весь город с тяжеленными сумками после работы?

– А кого мне еще просить? – недоумевала Вера Павловна. – Лидка сама еле ползает. Коля ушел... Мама умерла.

– Коля у-мер, – тяжело исподлобья посмотрел на мать Алексей Николаевич. – Хватит валять дурака. Забудь свои царские замашки: ты пожилой человек, время сейчас другое. Зачем тебе каждую неделю домашнюю курицу и кусок свинины? Ты в морозилку-то заглядывала?

– На вот, посмотри! – лихо вскакивала со стула Кукуруза и в запале распахивала холодильник. – Где?

– Морозилку открой.

– На! – подпрыгивала Верочка и пыталась открыть дверцу.

Сделать сразу это не получалось: холодильник был старый, ледяной «шубы» нарастало столько, что пластиковая крышка примерзала намертво. В нетерпении Вера Павловна дергала дверцу несколько раз подряд, холодильник шатался, но дело не двигалось с места.

– Ты когда в последний раз холодильник размораживала? – обреченно интересовался Алексей Николаевич и наконец-то выбирался из-за стола.

– Надо у Лиды спросить...

– А ты что, сама не помнишь?

– Все я помню! Нечего из меня дуру делать!

В стремлении «сделать из нее дуру» Вера Павловна собственного сына подозревала чаще других. Ей было невдомек, зачем тот интересуется содержимым пятилитровых кастрюль, вынесенных на балкон, почему раз от разу переспрашивает: «А что ты сегодня ела?»

Кукурузу обижала брезгливость сына, держащего двумя пальцами кусок чулка, приспособленный для того, чтобы стирать со стола. А его беспокоила материнская забывчивость и невероятно развившаяся к старости бережливость, которая оборачивалась дурными запахами из холодильника, роем мух на балконе и постоянными жалобами на несварение желудка.

Несколько раз Алексей Николаевич обращался к тете Лиде Масловой с просьбой помочь в приготовлении пищи с одной-единственной целью: «чтоб из качественных продуктов и не на целый полк, а то испортится». Лидуся с готовностью откликалась на просьбы Алеши (так она его, уже перевалившего пятидесятилетний рубеж, называла по старой памяти) и добросовестно каждое утро, открыв дверь собственным ключом, будила любившую поспать Верочку:

– Ве-е-ера! – кричала она в полумрак коридора. – Я за молочком. Тебе взять?

Кукуруза ненавидела этот утренний клич и, повернувшись с одного бока на другой, бурчала себе под нос:

– Я что, ребенок, эту твою молочку жрать?

Тактичная Лидуся, потоптавшись в прихожей минут пять, плотно закрывала за собой дверь.

Второй раз за день Маслова навещала Кукурузу в обед, держа перед собой дымящуюся тарелку, например, с борщом.

– Это что? – втягивала в себя соблазнительный запах Верочка, и ноздри ее двигались вразбой. – Борщ?

- Борщ, – радовалась соседка стопроцентному попаданию в цель.
- Оставь, потом съем, – обещала Вера Павловна с интонацией барыни.

Как только Лидуся закрывала за собой дверь, Верочка брезгливо рассматривала содержимое тарелки, а потом вываливала его в унитаз:

- Еще я Лидкиного борща не ела! Сроду она его варить не умела!

Когда в унитаз было спущено содержимое двадцать пятой по счету порции, Кукуруза заподозрила что-то неладное и прошаркала через площадку к Масловым.

– Лиду мне, – заявила она масловской снохе и, не спрашивая разрешения пройти, напрямик отправилась на кухню к подруге. – Все варишь?

Лидуся снимала пену с бульона и, не оборачиваясь, аккуратно, чтоб не капало, пронесла шумовку к раковине, подставив под нее блюдце с отколотым краем. Вера Павловна проследила глазами за руками соседки, а потом строго спросила:

- Разбитое, что ль, блюдце-то?

Лидуся, как школьница, послушно кивнула.

- Дай сюда! – приказала Верочка. – Где ведро?

Маслова покорно приоткрыла дверь тумбы, за которой скрывалась предназначенная для мусора большая, из-под томатной пасты, пятилитровая жестяная банка.

– Вот правильно покойный Петя говорил про тебя, что ты ненормальная какая-то. Вот тебе говорят-говорят, а ты ровно не слышишь. Милльон раз тебя предупреждала: нельзя разбитую посуду в доме держать! К беде это! Вот поэтому-то твой Петька и умер таким молодым.

Лидуся обиженно поджала губы:

- Петя-то, Вер, умер позже, чем Коля.

– Ну и что? – подняла вверх брови-ниточки Кукуруза. – Мог бы еще пожить, если б жена у него слушала, что говорят умные люди.

Услышав громкий голос Веры Павловны, любопытная сноха Масловых вошла в кухню и, обнаружив свекровь всхлипывающей, поинтересовалась:

- А что тут у вас случилось, мама?

Лидуся молча покачала головой, всем своим видом показывая, что ничего, мол, все в порядке. На вопрос снохи поспешила ответить Верочка:

- Учю вот, учю твою свекровь, а все без толку.

Сноху Масловых ответ соседки не удовлетворил, она тут же переметнулась на сторону своего вчерашнего врага в лице свекрови, подбоченилась и с молодым нахрапом заявила:

- А что это вы мою свекровь учите-то, Вера Павловна? Чай, она не глупее вас!

Верочка к молодому отпору оказалась не готова и только открыла рот, как неумолимая сноха выстроила вокруг свекрови такую оборонительную линию, что мало не покажется:

– Она, значит, вам готовит, в магазин ходит, давление меряет, каждый день проверяет, не двинули ли вы свои драгоценные кони, а вы мать моего мужа отчитывать будете?

Вера Павловна застыла с открытым ртом и беспомощно посмотрела на оторопевшую Лидусю.

- Ни фигя подобного! – раскипятилась сноха. – Не будет такого!

Кукуруза, усилием воли обуздав подскочившее к горлу сердце, сделала шаг вперед и, поправив вспотевшие надо лбом кудри, демонстративно развела руками:

– Ты, никак, я смотрю, смелая стала? Значит, пока Рэм мимо тебя по двору бегал, ты глаза вниз опускала, а меня не иначе как «тетя Верочка» не называла. И со снохой моей дружилась, лишь бы поближе к его двери-то быть! А сейчас – «ни фигя подобного, не будет такого»?! Правильно я Рэму говорила: «Не женись! Погуляй еще! Только ведь армию отслужил!»

Последние три предложения Вера Павловна вслух произнесла зря. Об этом было легко догадаться по выражению лица Лидуси Масловой, умоляюще смотревшей на морковный рот боевой подруги.

Сноха Масловых, услышав чистосердечное признание Кукурузы, побагровела от злости, пошла красными пятнами и решительно двинулась в атаку:

– Не женись, значит, говорила? Погуляй? (Глаза ее превратились в щелочки.)

Вера Павловна в ответ надула накрашенные губы, выкатила вперед грудь, украшенную жемчужной ниткой, и, не произнеся ни единого слова, с вызовом посмотрела на неожиданно возникшего врага.

– Вот и гуляй отсюда! – по-хамски заявила мальцевская сноха и ткнула пальцем в сторону двери. – Выход там.

Лидуся Маслова охнула и тяжело присела на табуретку, одновременно прощаясь с прошлой счастливой жизнью, последней подругой и миром в семье. Зато Верочка гордо повела плечами и, прежде чем пойти в указанном направлении, уточнила:

– Ты мне вот, Лидка, скажи напоследок: ты зачем ко мне каждый день приходила? Я вроде тебя не звала, а ты все ходишь и ходишь. Кусок от семьи отрываешь. Или просто интересно: жива Кукуруза или все уже?

Соседка, не успев привстать с табуретки, тут же была пригвождена к месту третейским Верочкиным оком.

– Тебя Лешка, что ли, просил?

Лидуся торопливо кивнула в знак согласия.

– Я так и думала! – топнула ногой Вера Павловна и тронулась к выходу, немного подзадержавшись в кухонных дверях. – Наверное, говорил: «Теть Лид, ты за моей-то уж присмотри, а то ведь мне, такому занятому, некогда. Ведь сожрет чего-нибудь несвежее и окочурится не ко времени». Ты, значит, Лид, за мной следила, получается?

Масловская сноха подпрыгнула на месте и приняла бой с необыкновенным остервенением:

– Конечно, следила! За вами-то глаз да глаз нужен, а то спалите весь дом и не заметите.

– Следила, значит? – грустно переспросила Верочка, словно не замечая подпрыгивающей на месте масловской снохи.

– Столько лет ведь, Вер. Ты ведь мне как родная... Жалко... – всплакнула Лидуся и опустила голову.

– Пожалел волк козленка, – подытожила Вера Павловна Кукуруза и, расправив плечи, промаршировала в прихожую. – Ноги чтоб твоей у меня в доме не было! – крикнула она Лидусе и припечатала ее окончательно: – Предательница!

Пока Лидка плакала, укрывшись с головой одеялом от некстати нахлынувших воспоминаний, в которых – и она сама, и Верочка, и Николай Алексеевич покойный, и Петя, еще живой, – Кукуруза отсчитывала сердечные капли и перебирала в уме имена предателей: «Мама, Коля, Лешка, паразит, теперь еще вот и Лидка Маслова...» Предателей, похоже, становилось, что деревьев в лесу. Того и гляди – заблудишься!

Нет, не о такой старости мечтала Верочка. Доживать свой век в лесу, полном молчаливых деревьев, ей никак не хотелось. Она видела себя за накрытым праздничным столом, уставленным яствами, в окружении близких – Коли, Масловых, Юрки Генералова, Лешки-предателя, Серафимы с Катюшкой на руках и с мужем-чиновником.

Перекусив «краковской», Вера Павловна включила телевизор, но через пару минут выключила, придя в полное негодование от того, что фильм все время прерывался изображением собаки с высунутым языком. Реклама нарушала ровный сердечный ритм Кукурузы и делала невыносимым само пребывание возле телевизора. Верочка не знала, куда деть себя в опустевшей квартире с немим телефоном.

«Хоть бы Генералов позвонил!» – подумала она и достала свою записную книжку. Блокнот пестрил записями, большая часть которых отказывалась располагаться на ровных линейках и упорно ползла вниз к правому краю. После смерти Коли некоторые записи оказа-

лись вычеркнуты за ненадобностью, вот и теперь Вера Павловна нашла букву «М», достала из серванта огрызок старого химического карандаша и крест накрест перечеркнула очередную порядковую запись – «Масловы. Петя. Лида. Рэм». Наведя порядок в войсках, Верочка застыла в полумраке гостиной, торжественно именуемой ею «залом», и стала ждать субботы.

В субботу должна была приехать Серафима с набором продуктов и, может быть, с огуречным лосьоном, без которого поддержание женской красоты превращалось в дело заведомо безуспешное. Ожидание утомило Веру Павловну, и она крепко заснула, вытянувшись на диване с «маминой думочкой» под головой.

Ночью Кукуруза ворочалась с боку на бок, проклинала старость и даже немного плакала, в очередной раз упрекая Николая Алексеевича в черной неблагодарности и коварстве. К утру Верочка почувствовала себя неважно: ее мутило, перед глазами летали черные мухи. Наверное, давление, определила она про себя причину недомогания, но встать с дивана не решилась. «Скорую», разве что, вызвать? – промелькнула в голове здравая мысль и тут же исчезла в неизвестном направлении. – Не буду. Симка приедет – вызовет», – успокоилась Кукуруза и что было силы зажмурила глаза. Внутри стало еще интереснее: образовались длинные пустые коридоры, захлопали форточки, побежали уродливые тени. Верочка полетела в трубу, переголенную белой дверью. «Расшибусь на хрен!» – разволновалась Вера Павловна и провалилась в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.